

ПАВЕЛ БРЫЧКОВ

КАК БЫЛ НАПИСАН РОМАН «ОТПОР»

Подобно многим прозаикам, я начинал со стихов. Однако в стихотворчестве особых успехов не было. Изредка по рекомендации Тимофея Максимовича Белозёрова, у которого я проходил литконсультации, отдельные стихи печатались в областных газетах «Омская правда» и «Молодой сибиряк». И вот в 1979 году неожиданно для себя я написал первый небольшой рассказ «Потерянный страх» по одному событию из детства. Предложил прочитать Тимофею Максимовичу, но тот отказался, говорит, я в прозе не понимаю, покажи Галине Усенко, она за прозу отвечает. Я принёс рассказ Усенко, она его прочитала при мне и говорит: «Напечатаем».

Я был немало озадачен: чтобы напечатать стихи в «Омской правде», я несколько лет ходил к Белозёрову, а тут сразу «напечатать». Вдохновлённый, написал ещё пять рассказиков по мотивам детства и принёс Усенко. Она прочитала и направила меня в литературное объединение к прозаику Валерию Николаевичу Мурзакову. Он вынес вердикт на первой странице рукописи: «Оригинально, свежо, есть способности, а главное – язык». После разговора со мной посоветовал писать повесть. Что я и сделал. Повесть о детстве «Звезда на соломинке» вышла в Омском книжном издательстве в сборнике «Родня».

Удачное начало не означает, что и далее в прозе всё шло гладко. Были и неудачные рассказы, и ученическая повесть на злобу дня. Одно было ясно: писать я не брошу. Однако если бы кто-то сказал в то время, что я буду писать историческую прозу, я бы только пожал плечами. Но, как писал Александр Блок в одном из стихотворений, «...нас всех подстерегает случай».

В 1982 году меня, молодого инженера-конструктора, послали на уборочную работать на комбайне. И вот по впечатлениям от этой поездки я написал повесть «Осенний след», в которой одного из героев, чтобы показать его оторванность от земли, от корней, я через «белую горячку» отправил в семнадцатый век к своим предкам. В то время среди прозаиков в моде был метод «остраннения» от слова «странный», его я и использовал. А чтобы меня не уличили в незнании времени, в которое я отправил своего героя, в незнании деталей быта и обычаев, начал собирать книги по этнографии, истории Сибири... И однажды в книжном магазине в моих руках оказался научный сборник Сибирского отделения АН СССР «Рукописная традиция XVI–XIX веков на востоке России», а в нём статья новосибирского историка Николая Николаевича Покровского «Следственное дело и выговская повесть о тарских событиях 1722 года». Пробегаю взглядом по страницам: «...отказались присягать Указу Петра I...», «...написали

противное письмо...», «...в безымянном наследнике узрели признак пришествия антихриста...» «...прислали карательный отряд 300 солдат и 200 служилых татар...», «...взорвали себя...».

Впечатление от статьи было весьма сильным. И сразу возбуждённая мысль: «Вот оно, моё!.. Почему же омские краеведы ничего не пишут об этом событии?..» Сейчас смешно вспоминать, но моё твёрдое намерение писать роман о Тарском бунте сопровождалось постоянным страхом, как бы кто-нибудь меня не опередил... Страхи страхами, но нужно было как-то приступить к делу. Я ничего лучше не придумал, как направить свои стопы к Покровскому. Раздобыл его телефон и припёрся без приглашения в Новосибирск. По телефону представился, рассказал, откуда прибыл и зачем... Николай Николаевич сначала высказал недовольство, что я приехал без предварительной договорённости, но потом всё-таки смилостивился: «Ну, раз уж приехали, приезжайте!..» и назвал адрес в Академгородке. Было ему в то время чуть больше пятидесяти лет, но мне он казался дедом из-за пышной, пепельного цвета бороды. В то время он был доктором исторических наук, а впоследствии стал академиком. Скончался в 2013 году. Роман о Томском бунте 1648 года «Люди государевы», написанный по его публикациям, я посвятил его памяти.

Узнав, что я хочу писать исторический роман, он категорично заявил, что после Алексея Толстого у нас нет настоящей исторической прозы, потому что писатели отходят от правды и пускаются в фантазии... Я пробормотал, что хочу показать, как было в Таре на самом деле, и можно ли это сделать без работы в архивах... «Без архивов нечего и думать!..» – отрезал он. Смутил он меня окончательно тем, что при прощании подал пальто, как подают женщинам, помогая одеться. Интеллигентность, однако!

Хотя я и не получил авторитетной поддержки, но желание писать роман не пропало. К слову сказать, никто из знакомых не верил, что у меня что-то получится. Тот

же Валерий Николаевич Мурзаков, когда прочитал написанный роман, признался, что не верил в мою затею, так как историческая проза требует иных подходов, чем обычная проза.

Но, как говорится, идущего судьба ведёт. В 1983 году я поступил в Литературный институт им. А. М. Горького на заочное отделение. Попал в семинар прозы, руководителем которого был известный критик Феликс Феодосьевич Кузнецов. В то время он был руководителем Московской писательской организации. С его помощью я оформил допуск в Центральный архив древних актов (ЦГАДА, ныне РГАДА). Действовать решил просто. В вышеупомянутой статье Покровского (как и в других его статьях о Тарском бунте) были подробные ссылки на источник по описываемым событиям: фонд, опись, дело, листы. Я начал с фонда Сибирского приказа № 214. Но когда с некоторым трепетом открыл первые листы дела № 299, мне слегка заглохло. Это была скоропись XVIII века, и в тексте я мог прочитать только некоторые слова и фразы. Пришлось брать учебник Л. В. Черепнина «Русская палеография», выписывать, какая буква как пишется, какими буквами обозначаются числа... Помогали стандартные фразы типа: «По указу Его Императорского величества...» Короче, я не сдался и через три дня уже мог читать скоропись. Правда, у некоторых подьячих почерк был столь витиеватый, что понимался с трудом.

Работа по сбору материалов в архивах и библиотеках не только Москвы, но и Ленинграда, Тобольска, Екатеринбурга и Омска продолжалась более четырёх лет. В Литинститут заочники приезжали два раза в год на месяц, люди в основном взрослые, и каждый по-своему проводил время: кто-то увлекался столичными театрами и кино, кто-то сильно дружил с Бахусом... Меня же друзья прозвали «архивной крысой», так как после экзаменов и лекций я бежал в архив, где засиживался до закрытия.

Когда меня спрашивают, как пишутся исторические романы, я отвечаю: «Просто. По страничке в день – и за год роман готов». Собственно, так было и с «Отпором». Но предварительная работа остаётся как бы за бортом. Интернета в то время не было, и все сведения приходилось выискивать в архивах и библиотеках. А их нужно было немало. Надо знать все элементы быта, как одевались горожане, крестьяне, казаки, что у них было на столе, какими занимались промыслами, какое получали жалованье, какими были дома и избы в описываемое время, какова была иерархия в казачьем войске, взаимоотношения с центральной властью, знать историю раскола... В этом плане помогало то, что в следственном деле были подробные списки имущества некоторых арестантов; так, список имущества земского судьи Лариона Верещагина в сравнении с другими показывает, что он был, пожалуй, самым богатым человеком в Таре. Архивные выписки составили несколько общих тетрадей, плюс к этому микрофильм из ста кадров с самыми интересными страницами.

Я поставил себе задачу «оживить» тарские события, то есть ввести все известные из источников события и факты в роман, а от события к событию идти так, чтобы читатель поверил, что именно так всё и было. В романе нет ни одной вымышленной фамилии, но это не значит, что нет вымышленных персонажей. Не хватало биографических данных «отпорщиков». О существовании Тарской Дозорной книги 1701 года я знал, но оригинального текста не нашёл. А из этой книги можно было много почерпнуть данных о героях романа. Так, например, о казачьем полковнике Немчинове такие сведения: «Литовской сотни казак Ивашко Гаврилов сын Немчинов сказал, родом де он Ивашко Тарского города конного казака сын. Скота у него пять лошадей с жеребяты, десять скотин рогатых, а оклад ему Ивашку Великого государя жалованья денег тридцати рублёв, хлеба восемь четей с четвериком ржи, овса тож. А пашни у него паханные

з братом в общих межах четыре десятины в поле, а в дву потомуж...»

Особо следует сказать о языке. Сейчас трудно установить достоверно, как разговаривали жители в начале XVIII века. Было понятно, что без стилизации не обойтись, но важно было не скатиться в диалектное неестественное искажение языка под простонародье. Большую помощь в понимании языковой атмосферы оказали подлинные документы, в которые проникала разговорная речь: челобитные, указы, допросные протоколы. Например, оттуда я извлёк и использовал слово «поноровка» (по норову),

означавшее потакание в чём-либо. Приходилось обращаться и к словарю Владимира Даля, откуда некоторые поговорки и выражения я вложил в уста героев романа.

Автору обычно трудно объективно оценивать свои произведения, но надеюсь, что первый блин не вышел комом. Роман «Отпор» был моей дипломной работой, и на обсуждении его Феликс Феодосьевич Кузнецов сказал приятные для меня слова: «Это подвиг!» В какой-то мере признанием было и присуждение мне в 2005 году Всероссийской литературной премии им. Д. Н. Мамина-Сибиряка.